
Марина Ветрова ✦ Екатерина Свет
ИЗМЕНА МУЖА.
Твоя любовница прислала свои фото в наш семейный чат!

Екатерина Свет

Измена мужа. Твоя любовница прислала свои фото в наш семейный чат!

«Автор»
2026

Свет Е.

Измена мужа. Твоя любовница прислала свои фото в наш семейный чат! / Е. Свет — «Автор», 2026

Муж изменял мне, пока я спасала чужих детей.Его любовница сама прислала в наш семейный чат откровенное сообщение — вместе с фотографиями, которые невозможно объяснить ошибкой.За десять лет брака я научилась лечить болезни, но не предательство.Вскоре выяснилось: чужая постель — только начало. Муж замешан в опасных сделках, а любовница шантажирует его и готова уничтожить меня.Витольд, суровый глава службы безопасности, знает слишком много и предлагает защиту.Ему нужна правда о гибели напарника. Мне — право начать сначала.Но почему рядом с ним сердце снова оживает? И сможет ли мужчина, привыкший мстить, подарить мне любовь? Без страха и лжи.

© Свет Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Вибрация в кармане 5
Глава 2. Десять лет в одну строку 8
Глава 3. Человек у конюшен 11
Глава 4. Эвакуация 14
Глава 5. Цена молчания 17
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Марина Ветрова, Екатерина Свет Измена мужа. Твоя любовница прислала свои фото в наш семейный чат!

Глава 1. Вибрация в кармане

Телефон завибрировал в кармане халата, когда я слушала лёгкие двухлетней Салимы.

Внутренний карман педиатрического халата — проклятие и спасение нашей профессии: телефон живёт там своей жизнью, и ты узнаёшь о сообщениях по касанию пластика к животу. За десять лет контракта в холдинге «Городская волна» успела привыкнуть к этому касанию. Привыкла почти не замечать.

В утреннем коридоре клиники пахло хлоркой, молоком и жареным луком из столовой — Маскат просыпался за окнами медленно, как кот, и солнце уже толкалось в жалюзи. Салима сидела на столе в трусиках и футболке со слонами, её мама держала её за плечи, а я держала мембранку стетоскопа на тонкой спине и улыбалась, потому что дети не дают врачу хмуриться.

— Скажи «тридцать три», — обратилась к Салиме по-арабски. — А теперь ещё разочек. Мама рядом, держит тебя. Слушаем, как ты дышишь.

Салима сказала «тридцать три» — гордо, точно сдала экзамен, и её мама заулыбалась впервые за неделю.

Телефон завибрировал снова. И ещё. И ещё — подряд, без остановки: кто-то набирал длинное сообщение по кусочкам и снова нажимал на кнопку отправки.

Каждое новое касание пластика отзывалось под рёбрами. Сообщения шли потоком.

Салиму мы досмотрели: лёгкие чистые, горло розовое, температурить больше не должно. Выписав назначение, погладила девочку по голове и проводила их до двери.

— Спасибо, доктор, — мама Салимы прижала к себе листок.

— Не болейте. Сегодня ещё побудьте дома, хорошо? А если опять поднимется температура, сразу звоните.

Такое напутствие звучало в кабинете тысячу раз, и это была последняя секунда моей прежней жизни.

В ординаторской было двое: я и Марго, медсестра из тех, кого пять лет держишь в подругах, а потом оказывается, что она — единственная. Марго пила кофе и шепталась по телефону с мужем — у них шла вечная вежливая война по поводу пылесоса.

— Дорогой, он стоит в шкафу. В том же, где вчера. Да, сначала его надо достать. Потом включить. Нет, меня ждать для этого совершенно необязательно.

Опустившись в кресло, вытащила телефон из кармана халата и открыла семейный чат.

Он называется просто: «Семья». В нём четверо: я, Родион, его мама Нинель и его сестра Дина. Десять лет этот чат был фоном — поздравления с днём рождения, «купите хлеба», фото с дачными огурцами, которые отправляла, чтобы понравиться свекрови. В этот чат впервые написала «Доброе утро» через две недели после свадьбы, и Нинель ответила мне смайликом со сложенными в благодарности ладонями — до сих пор помню, как обрадовалась этому крошечному знаку одобрения.

Семейный чат — это место, где женщина держит лицо. Десять лет держала его там, как держат вазу с цветами: красиво, осторожно, изо всех сил.

Первой на весь экран открылась фотография.

— Ева, — выговорила, всё ещё глядя в экран. Над сообщением стояли её имя и лицо. — Кураторша наших арт-проектов. Блондинка с короткой стрижкой, помнишь? На презента-

циях всегда в белом, с бокалом чего-то безалкогольного. Раз пять встречались на приёмах у бассейна. При встрече целовала её в обе щеки, Марго. В обе щеки.

— Это Родион снял. — Приблизила снимок, хотя рассматривать его было мучительно. — Свет, угол... Его почерк. Любит ловить врасплох: некрасивый жест или человек смеётся и не успевает поставить лицо. Он так снимал меня на первом году брака. А мне нравилось видеть себя его глазами.

Последние три года, как выяснилось, он так снимал её.

На фотографии Ева была в постели моего мужа. В его рубашке. Она смеялась, не успев поставить лицо.

А под фотографией был текст. Прочла его, задержав дыхание, потом сглотнула и перечитала. Под халатом стало обжигающе жарко, как от кипятка.

«Родик, ты где? Ты обещал подписать документы на долю в терминале. Не заставляй меня ждать, я не люблю ждать. И не делай такое лицо, я красивая. Кстати, скажи своей жене, что она хорошо готовит. Не могла не попробовать, когда вы были в отъезде. Кухня — её единственный талант».

Сообщения падали дальше. Ещё фотография — мой муж спит, и на плече та самая родинка, которую целовала десять лет. Ещё текст: «Милый, я закинула это в твой чатик, поправь, если что не так. Ой. Кажется, это не твой чатик».

Эти два коротких предложения пришлось перечитать.

Сидела в ординаторской, в белом халате, с чисто вымытыми до локтей руками, педиатр с десятью годами стажа, жена. И телефон в моей руке показывал мне, что последние три года моей жизни были построены на чужой кухне, где готовила для него, а она пробовала.

— Аглая? — Марго положила свой телефон экраном вниз. Она смотрела на меня так, как смотрят на монитор, на котором резко упала линия. — Аглая, ты белая. Ты зелёная. Что случилось?

Ответить сразу не смогла. Продолжала читать, прокручивая экран, потому что — вот что делает с нами шок — всё ещё искала в конце этого чата опровержение.

Дошла до последней строчки; под ней белело пустое поле.

Свекровь молчала. Дина молчала. «Сообщение прочитано в 9:42» — два серых глаза под последним сообщением Евы, и тишина. Потом в чат упала одна короткая команда от Нинель:

«Ужин. Сегодня. Все».

— Всё, Марго. Ни «что это», ни «сын», ни «Аглая, дорогая». «Ужин. Сегодня. Все». Так моя свекровь закрывает скандал. Накрывает столом и придавливает салфеткой, чтобы не дышал.

— Дай сюда. Или просто поверни ко мне, если трудно.

Повернула экран. Марго дочитала и перестала трогать свою чашку.

А потом телефон заговорил в моей руке — уже голосом. Входящий от Родиона. Мой муж. Десять лет брака. Он звонил с работы, со знакомым шорохом помех, как всегда, когда звонил из машины:

— Аглая. Солнышко. Я всё объясню. Это взлом. На меня давно пытаются выйти через переписку — порт, конкуренция, ты же понимаешь, логистика — это деньги, а деньги — это война. Ева стала жертвой взлома так же, как и я, и весь чат...

Он говорил ещё. Голос у него красивый, поставленный — он им десять лет закрывал двери и открывал мне их же, и на этом голосе была жената, как на голосе диктора в аэропорту, из которого объявляют твоё отправление.

Слушала, обхватив телефон обеими ладонями. Ухоженными, докторскими, ещё пахнущими мылом. Этими руками держала тысячи чужих детей. На безымянном пальце осталось обручальное кольцо — тонкое, с маленьким бриллиантом. Когда поженились, на большее денег

недоставало, а потом могли купить любое, но менять своё не хотелось: история его покупки была дороже камня.

— Родион. — Имя далось с трудом. — Ты только что назвал её «Ева». Так, как зовёшь дома. На автомате. О жертвах взлома говорят по имени-отчеству и через адвоката.

Он помолчал. Это было его единственное честное признание — пауза длиной в три года.

— Мы поговорим дома, — наконец отозвался он.

— Мы поговорим, — повторила за ним. — Но не дома. Я не хочу, чтобы твои слова пахли моей кухней.

— Аглая...

— У меня приём. — Положила трубку первой.

Марго сидела напротив, давая мне отдышаться. Потом встала, налила мне воды из графина, поставила стакан передо мной и накрыла мою ладонь своей — так, чтобы мы вместе удержали стакан: от дрожи уже плескалась вода.

— Не врите мне, что всё нормально, — Марго подвинула ко мне воду. — У меня аллергия на «всё нормально».

Подняла глаза.

— Марго. — От первого глотка стало больно в горле. — Кажется, я плохо готовлю. Это выяснилось сегодня в семейном чате. А потом выяснилось всё остальное.

И только тут — уже на последних словах, уже с чужой жалостью в глазах подруги — меня начало трясти. Ждала стыда, заранее стискивала зубы, как перед уколом, которого всё равно не избежать.

— Меня от злости трясёт, Марго. С такой раньше жить не приходилось. Умею ждать, утешать, назначать — врач же, привычная работа. А сейчас хочется швырнуть этот стакан в стену. Куда мне это девать? Для такого желания в моём устроенном мире совсем не находилось полки.

Во рту стоял горячий металлический привкус. Осторожно отставила воду, чтобы действительно ничего не разбить.

Приём всё-таки провела. Весь, до последнего пациента — до семи вечера, с платком, в кабинете, где на окне стояли бумажные слоники Салимы, которых её мама подарила мне после выздоровления. Десять лет лечила чужих детей, откладывая собственную боль на потом. В начале восьмого вечера написала родной маме, в другой город, в другой часовой пояс: «Мама. У меня всё плохо. Я приеду, когда пойму, что делать».

Потом легла на кушетку в ординаторской — в халате, поверх простыни, лицом в стенку, и стенка пахла хлоркой и чужим мылом. И подумала: вот, значит, как это происходит. В коридоре скрипит тележка уборщицы, за стеной убирают посуду. Просто человек в кармане твоего халата завибрировал — и жизнь, которая была, кончилась.

А через час меня ждал ужин у свекрови. «Все».

Тогда ещё не знала, что на этом ужине мне вручат вторую по величине ложь моей жизни. И что третью и последнюю — скажу сама. Но это будет потом, и это будет уже другая я.

Глава 2. Десять лет в одну строку

Стол у Нинель был накрыт как на поминки — и это был точный жанр.

Родион привёз меня сам, на своей машине, молча всю дорогу от клиники до виллы на первой линии. Перед выездом переоделась в ординаторской в единственное платье, которое было у меня там, — простое, серое, и сейчас, оглядываясь, понимаю: серое было правильным. На похороны не ходят в красном.

Нинель подавала фаршированные перцы. Она всегда подавала фаршированные перцы в дни больших семейных сессий — это её способ говорить «семья прежде всего» без слов, овощом.

Родион сидел напротив меня и выглядел прекрасно. Вот что меня убивало больше всего в тот вечер — он выглядел прекрасно: свежая рубашка, набриолинированные волосы, муж из рекламы банка, который «позаботился о вашем будущем». Он говорил красиво, без запинки, а мне оставалось слушать лекцию про взлом, как студентке на повторной сдаче предмета, который она знает лучше лектора.

— Порт, конкуренция, — он разгладил салфетку на коленях. — Наша логистика перехватила контракт, и кто-то заказал компромат. Взяли переписку Евы — она куратор, мы работали с ней по арт-проекту холдинга, много переписки — вставили туда фотографии...

— Монтаж? — Тихий вопрос повис между нами над нетронутой тарелкой.

— Аглая, — Нинель подала мне блюдо; её голос был мягкий и тяжёлый одновременно, как мокрое одеяло. — Не усложняй. Родион всё объяснил.

— Монтаж, — глядя на мужа, вернулась к своему вопросу. — Родинку на левом плече тоже смонтировали?

Родион продолжал сидеть, едва касаясь спинки стула. Такую выдержку он годами оттачивал на переговорах — куда старательнее, чем знания логистики. Он положил приборы, вздохнул и сделал то, что делает идеально: сдал позицию, чтобы сохранить фронт.

— Аглая. Я не буду врать тебе в этом доме, перед матерью. — Пауза, отрепетированная до миллисекунды. — Было. Было — и закончилось. Это была ошибка, болезненная привязанность, я выходил из этих отношений, они тянулись за мной, вы сами видели эти сообщения — женщина на грани срыва, она шантажирует меня контактом, давит на семью...

— Три года. — Отодвинула тарелку.

— Что?

— Ты сказал «было и закончилось». Я хочу знать одну вещь, и уйду с этого ужина при любом ответе. Сколько длилось «было»?

В наступившей тишине слышалось море за окном — вилла Нинель стоит на первой линии, и волны там бьют в бетонную стену набережной, как заключённый в дверь.

— Восемь месяцев. — Родион потянулся к бокалу. Ложь прозвучала гладко, привычно; зацепиться в ней с первого раза было почти не за что.

— Родион, — Нинель звякнула ложкой о край блюда, — не надо подробностей при матери.

И вот тут меня прорвало. Голос опустился почти до шёпота: у педиатров профессиональная привычка — чем хуже, тем тише. Говорила едва слышно, отчётливо выговаривая каждое слово, и раздражение в комнате повисло, как пыль в солнечном луче.

— Нинель Тарасовна. Сегодня утром вся семья, включая вас, получила в чат фотографию вашего сына в постели с другой женщиной. И слова женщины, которой он позволил считать, что кухня — мой единственный талант. Вы пригласили всех на ужин и подали перцы. Вы не спросили меня, как я. Вы не спросили его, как он мог. Вы спросили про перцы: хватит ли всем. Ужин. Сегодня. Все. — Встала. — Ужина хватит всем, Нинель Тарасовна. А мне не хватит.

Пошла к выходу. Родион догнал меня в прихожей — застёжка сумочки никак не попадала в паз, он взял меня за запястье, мягко, но властно, как делал всегда, когда сцена грозила выйти из-под его контроля.

— Аглая. Солнышко. Давай без драматических жестов. Ты усложняешь. Это было восемь месяцев, это закончилось, я люблю тебя, я люблю нашу семью, наш дом...

— Наш дом, — повторила я. — В котором она пробовала мою еду, когда мы были в отъезде. Она же написала. По-моему, она во всём очень подробная женщина.

— Она сумасшедшая, — вырвалось у него, и впервые за вечер в его голосе появилась настоящая правда — только не та, которую он хотел мне дать. Он боялся Евы. Он боялся её по-настоящему, глубоко, как боятся не любовницы, а кредитора. Он оглянулся на дверь столовой, побледнел; пришлось отвести глаза. Приписать мужу ещё и этот страх было тяжело. Тогда ещё хотелось уберечь хоть что-то.

Высвободила запястье и поехала домой на такси.

Дом наш стоял ближе к порту, чем к клинике, — большой дом у второй линии, с лужайкой, с оливой у входа, купленный на его деньги и оформленный на его компанию. Все документы приходили на название его компании. Десять лет прожила в его доме, и меня это устраивало, потому что «наш дом» звучало громче, чем «его собственность». В ту ночь впервые легла в нашей спальне на край матраса: знакомая постель оказалась чужой землёй.

Сон всё не приходил. Лежала и листала свою жизнь, как чат, — сверху вниз, ища пропущенное сообщение.

Десять лет. В темноте вспоминался собственный голос — как взахлёб рассказывала маме перед отъездом:

— Мы познакомились в аэропорту, он возвращался из командировки, а я с конференции по педиатрии. Рассмешил меня на паспортном контроле, у него такой красивый смех! Через год сделал предложение, на пирсе, на закате. Плакала, а все вокруг хлопали. Теперь закончу контракты дома и поеду за ним в Маскат. Он строит там бизнес, а холдинг «Городская волна» как раз открывает клинику и ищет педиатров. Мне предложили контракт. Подписала. Мама, всё сошлось — так красиво, что лучше и не бывает.

И закончила контракты. И поехала, как собиралась.

А теперь лежала и пересчитывала сошедшееся. Три года — с конца. Три года назад он стал уезжать в порт по выходным. Три года назад у него появился второй телефон. Три года назад он перестал снимать меня. Три года назад у нас закончилась совместная семейная жизнь — не ссорой, не разговором, а просто подписью под продлением: всё продолжалось, всё было вежливо, а это вежливое продолжение по глупости называла покоем.

В четыре утра встала и достала чемодан из кладовки.

Собиралась долго — до рассвета. Это был самый тихий переезд в истории женщины, которую бросили: складывала вещи и перебирала кухонные мелочи, решая, что взять с собой. Десять лет собирала эту кухню. Ножи, привезённые из поездок. Форму для пирога, купленную на первую годовщину. Соль в красивой банке с заморского рынка. Остановилась посреди кухни с этой банкой, прижимая её к себе, как ребёнка, и заплакала в голос — впервые за сутки. Оплакивая себя. Ту, которая десять лет держала этот дом и думала, что он её.

Банку оставила. Поставила на её место у плиты.

Утром Родион был дома — он вернулся после ночи, свежий, в другой рубашке, и увидел меня в прихожей с чемоданом.

— Ты чего это? — он остановился возле чемодана без всякого страха. Именно это запомнилось точнее всего: без страха. — Аглая, ну куда ты. Ну посиди, обсудим. Успеется.

«Успеется». Ему было не страшно, потому что он знал, что всегда возвращаюсь. Десять лет возвращалась — от любого обидного слова, от любой занятости, от любой лжи, которую находила и проглатывала: привыкла считать, что это и есть любовь.

— Не успеется. — Придвинула чемодан к двери. — Я поеду к маме. Или в клинику. Я пока не знаю. Я знаю только, что не в этот дом.

Он остался у стены, давая пройти, и заговорил мне в спину, по-деловому, как про груз:

— Тебе нужно подумать. Хорошо. Но, Аглая, не делай резких заявлений — ни в чате, ни кому бы то ни было. Мы оба работаем в холдинге, у тебя контракт на продление, у меня партнёрство. Один скандал — и пострадаем оба. Ты же не хочешь лишиться своей клиники? И оставить своих детей без врача, а самой остаться без работы?

Обернулась в дверях.

— Моих детей оставить без врача, а самой остаться без работы, — медленно повторила за ним. — Ты сейчас спросил меня не о детях. Ты спросил о себе. Запиши себе куда-нибудь на руку, Родион, чтобы не путать.

Закрыла за собой дверь и дошла до машины, глядя только вперёд.

В клинике меня ждало письмо. Официальное, из администрации «Городской волны», на бланке с волной — открыла его в ординаторской, стоя, ещё в лёгком пальто.

«Уважаемая доктор Аглая! В связи с текущей ситуацией и в целях сохранения деловой репутации холдинга администрация сообщает о необходимости пересмотра условий Вашего трудового контракта. Просим Вас явиться на собеседование к руководителю департамента персонала в удобное для Вас время в течение текущей недели».

Перечитала это три раза. «Текущая ситуация». «Деловая репутация». Мне — врачу, которая десять лет поднимала этот департамент педиатрии с двух кабинетов до целого крыла, — мою семью, мою личную жизнь приравняли к «текущей ситуации» и к репутационным рискам.

Прижала письмо к столу. Вот моё будущее, на одном листе. Марго вошла и застыла у чемодана.

— Куда теперь? К маме?

— Мне некуда идти, Марго. И не к кому. Мама далеко, в другом городе, в другом мире. Как втянуть её в это? Из подруг здесь — ты, и всё. Дома — чужой дом. В чате молчат. Дина вчера вечером всё-таки написала в личку: «Я на твоей стороне. Но не выноси сор, мама переживает». Не выноси сор! Сор вынесли в чат шесть фотографий и чужая женщина. А мне достался только свой чемодан.

— Тогда ставь его сюда. Кушетку освободим. Дальше разберёмся.

Ночевала в ординаторской, на своей кушетке, в запахе чужого мыла. И если бы кто-то сказал мне в ту ночь, что через несколько дней меня заберёт под своё покрытие служба безопасности холдинга — и что этот человек будет опаснее, чем всё, что со мной случилось, — вряд ли сумела бы поверить. Тогда доверия хватало только на Марго и принесённую ею простыню.

А наутро — на третьи сутки после того, как завибрировал карман, — открыла дверь ординаторской. В коридоре меня ждал он.

Глава 3. Человек у конюшен

Он стоял в конце коридора крыла педиатрии, у окна, выходящего на конюшни холдинга, — и по тому, как свободно он занял проход, сразу было ясно: пришёл по делу и ждать привык столько, сколько нужно.

Высокий, темноволосый, в светлом костюме безупречного покроя, но не банкетном — в рабочем, таком, в котором удобно и в совете директоров, и в грузовом терминале порта в три ночи. Когда дверь ординаторской открылась, он даже не повернул головы на звук. Всё его внимание занимали лошади за окном: на утреннем прогоне конюх выводил рысью вороного жеребца, а солнце высвечивало золотую пыль над оградой манежа.

Его здесь знали все. Мне случалось видеть его издалека, среди руководства: Витольд. Глава службы безопасности «Городской волны». Про него ходили легенды двух сортов: первый сорт — что он держит весь холдинг в кулаке и знает про любую сделку раньше её участников; второй сорт — что человек, попытавшийся пойти против него, больше не работает не только в холдинге, но вообще в отрасли. Легенды обоих сортов имели один общий финал: никто никогда не рассказывал деталей.

По дороге к кабинету успела сделать всего шаг. Он повернулся — спокойно, всем корпусом, и встретил меня взглядом прежде, чем пришлось бы окликать.

— Доктор Аглая. — Он дождался, пока остановлюсь. Голос был низкий, с отчётливым обращением, от которого захотелось поправить воротник. Так обращается человек, который подготовился к встрече, пока ты пыталась хоть немного поспать.

— Доброе утро. — Стиснула ключ в ладони. — Вы ко мне? У меня приём через десять минут.

— У вас приём через двадцать пять. Я проверил расписание. — Он сохранял серьёзность. И смотрел внимательно, как хирург перед разрезом, отчего вдруг стало жарко. — Меня зовут Витольд. Я должен с вами поговорить. Не здесь. Пройдёмте к конюшням — там есть место, где нас не услышат.

Подходящего ответа не нашлось. Полагаю, этого он и добивался точностью: пока подбирала слова, он уже назвал свободные минуты и место разговора. Люди, привыкшие просить, оставляют тебе возможность отказаться. Витольд ждал, когда уберу ключ. Он предлагал принять распоряжение как назначенное время процедуры.

И отправилась за ним. Вдоль крыла педиатрии, мимо наклеек со слонами, мимо аквариума с рыбками, которые у нас живут вместо кота, через боковую дверь — на территорию конюшен. Пахло лошадьми, сеном, потом и морем — Оман устроен так, что море всегда где-то рядом, даже в запахе чужого навоза. Мы дошли до ограды манежа и остановились у неё, как двое, которые пришли смотреть на лошадей, а не на друг друга.

— Позавчера в 9:42 утра в общий семейный чат поступила серия сообщений откровенного характера. — Витольд следил за вороным жеребцом. — Восемь сообщений. Шесть фотографий. Три — с узнаваемыми деталями вашего мужа. Родион, партнёр холдинга по портовой логистике.

Под рёбрами свело так, что пришлось опереться об ограду. Казалось, за эти двое суток всё внутри онемело, — но при словах про узнаваемые детали снова стало трудно вдохнуть.

— Почему служба безопасности интересуется моим семейным чатом? — Сцепила пальцы на ограде. — Это... частная переписка.

— Потому что ваш муж — партнёр холдинга, а Ева, кураторша арт-проектов, — сотрудница холдинга. Любая компрометация партнёра — это компрометация холдинга. — Он повернулся ко мне и посмотрел. Теперь вспомнилась вторая легенда — про то, как все замолкали на подробностях. Он смотрел на меня, как на открытую книгу, позволяя заметить, сколько уже

прочёл. Хотелось отодвинуться и перестать выдавать себя каждым движением. Так изучают договор перед подписанием: каждую строку, каждую сноску. — Доктор, я скажу вам сразу, чтобы вы не тратили своё обаяние на защиту. Я знаю содержание этих сообщений. Я знаю, что было до них. Я знаю, что было после. Мне нужно от вас только одно — чтобы вы были моим свидетелем.

— Свидетелем чего?

— Того, что вы видели и что вам писали. Ваша переписка с мужем за последние три года — теперь часть материалов.

От унижения перед глазами поплыли чёрные точки. Дело было уже шире, чем этот разговор у манежа. Он произнёс «три года» так же буднично, как у меня на приёме звучит «ангина». Он знал. Все уже знали, кроме меня, и вот теперь это знание должны были оформить документально, с меня — свидетельские показания на мою же собственную жизнь.

— Я не буду давать показания на свою жизнь. — Голос едва прозвучал. — Она не материал.

— Она материал с 9:42 утра позавчера. — Он выдержал мой взгляд. — С того момента, как сообщения ушли в общий чат. Не я сделал её материалом. И не вы. Но теперь у неё есть статус, и от этого статуса зависят вещи, которые вам дороги: ваш контракт, ваша клиника, ваш отдел. Я предлагаю вам не защищаться от меня, доктор, а использовать меня.

Вороной жеребец пронёсся мимо нас по кругу, выбросив гриву и стуча копытами по утоптанной земле, а взметнувшаяся над оградой пыль медленно осела на перекладины.

— Что вы хотите от меня? — Стряхнула с пальцев крошки краски.

— Три вещи. Первая: завтра вы переезжаете с ординаторской кушетки на служебную виллу. Не бойтесь — это покрытие, а не ухаживание. Пока вы под моим покрытием, никто в холдинге не посмеет пересмотреть ваш контракт «в связи с текущей ситуацией». Вторая: вы перестаёте отвечать на письма вашего мужа и на звонки вашей свекрови. Всё, что вы скажете им, — дойдёт до совета холдинга в искажённом виде, а мне нужна не искажённая версия. Третья...

Он сделал паузу, и впервые за весь разговор у него дрогнули желваки; взгляд задержался на манеже, хотя жеребец уже ушёл к противоположной ограде.

— Третья: не врите мне. Никогда. Вы имеете право молчать, плакать, орать на меня, ненавидеть меня — сколько угодно. Но не врите. Я увижу. Я всегда вижу.

— Вы всем так угрожаете? — На слове «так» голос сорвался, и от этого стало ещё досаднее.

— Это не угроза, доктор. — Уголок его рта наконец шевельнулся; от этой сдержанной усмешки захотелось возразить ещё резче. — Это техническая характеристика. Я вам ещё пригожусь.

Он ушёл первым — так же, как пришёл, без спешки, как человек, который закончил часть дела и точно знает, что остальные части идут по расписанию. Оставшись у ограды манежа, пришлось переждать, пока сердце перестанет колотиться у самого горла, и — вот что странно — впервые за эти двое суток плакать совершенно не хотелось.

Мне хотелось драться. Это было новое чувство — горячее, незнакомое, как первый раз в седле. Он назвал меня свидетелем. Он предложил покрытие. Он пообещал пригодиться — и за этими словами впервые забрезжила возможность: мою жизнь, превращённую в материал, можно было собрать в дело. А дело можно выиграть.

В кабинет вернулась за пять минут до приёма и сразу потянулась за халатом. Марго встретила меня в коридоре с выражением лица человека, который весь день держит в руках чужой мобильный и не знает, кому его отдать.

— К тебе приходил Витольд, — прошептала она трагическим шёпотом. — Служба безопасности. Что он хотел? Тебя увольняют? Ты под следствием? Скажи мне, я подготовлюсь морально.

— Я не под следствием. — Затянула пояс халата. — Я — свидетель.

— Свидетель чего?

За окном, над конюшнями, всё ещё висела золотая пыль, и на миг захотелось снова вдохнуть горячий воздух манежа.

— Свидетель того, что со мной сделали. — Встретилась с Марго взглядом. — И того, что я с этим сделаю.

Вечером в ординаторскую принесли пакет. Курьер молча вручил мне его и ушёл. В пакете был ключ с биркой «Служебная вилла 4, район Ятика» и записка без подписи, напечатанная на принтере, как служебная справка:

«Переезд завтра в 10:00. Машина будет у входа в крыло педиатрии. Возьмите все вещи, которые вам дороги. Это не командировка, доктор. Это эвакуация».

Глава 4. Эвакуация

Перечитав слово «эвакуация» трижды, положила записку рядом и легла на кушетку, глядя в потолок. Мне было страшно — по-настоящему, глубоко страшно, как перед операцией, когда не знаешь, что найдут внутри. Предстояло довериться человеку, который читал чужие жизни как открытые книги, включая мою, и сообщал об этом с деловитостью врача перед процедурой.

Но с другой стороны, альтернатив у меня не было. Чемодан стоял у кушетки, перетянутый тем же ремнём с узлом, что и два дня назад. Дом был чужим. Контракт висел. Чат молчал.

«Не врите мне. Я увижу» — его голос всё ещё звучал в ушах, стоило закрыть глаза.

— Посмотрим, кто кого увидит, — выговорила в потолок, и впервые за три дня удалось усмехнуться, лёжа на этой узкой кушетке.

Вилла номер четвёртая в районе Ятика оказалась не казённой коробкой, какой я себе её представляла, а низким белым домом с террасой, выходящей на море.

Машина привезла меня в десять утра, как и было обещано. Водитель не разговаривал. Мои вещи — один чемодан, две сумки и коробка с медицинскими книгами — поместились в багажник так свободно, что стало неловко: тридцать один год, целая жизнь, а рядом с ней ещё осталось место для чужого чемодана.

Внутри вилла пахла свежим текстилем и цитрусами. Просторная гостиная, спальня с огромной кроватью и окном на закат, кухня, где за первой же открытой дверцей обнаружилась посуда на целую семью. Не сервисная, из расчёта «один стакан на гостя с запасом», а нормальная, красивая, тёплая: тарелки с ручной росписью, глубокие чаши, маленькие пиалы для супа, как в местных домах, и — отдельно, на виду — разделочная доска из оливы и набор ножей.

У ножей задержалась, разглядывая их, как послание лично мне. Следом открыла холодильник. Он был полон, до самой верхней полки. Овощи, зелень, рыба на льду, яйца, молоко, фрукты — всё свежее, всё вымытое, всё разложено так заботливо, что сразу потянуло достать продукты и занять освободившийся стол.

К вечеру приехал Витольд. Он появился на террасе без звонка — просто вышел из машины, прошёл через двор, постучал перстнем в стойку террасы, дождавшись, пока обернусь:

— Осмотрелись? Найдёте всё, что вам нужно?

— Я нашла ножи. — Отложила полотенце. — Это самое тревожное, что со мной случалось за неделю, а вы представляете мою неделю.

— Ножи — кухня. Кухня — вы. — Он сел в кресло напротив, не спрашивая. — Я исходил из того, что человек, который десять лет держал дом, не перестанет держать его оттого, что дом сменился. Если вам неприятно готовить — не готовьте. Здесь есть повар. Но я поставил на то, что вам будет приятно.

— Вы поставили, — повторила, придерживая кресло. — Как на скачки. Вы поставили на меня ножи и холодильник.

— И на манеж. — Витольд сохранял невозмутимость. — Я ставлю на всё, что изучил. Вы изучаете мир руками — вы врач, вы держите детей. Вы держали дом — значит, вы держите мир кухней и порядком. Это не сентиментальность, доктор. Это расчёт по вашему профилю.

Мне почему-то стало и смешно, и тепло от этих слов — от их наглости и точности одновременно. Ужин удалось приготовить быстро, из того, что нашлось: рыбу на гриле с лимоном и зеленью, салат из помидоров с гранатовым сиропом, горячий хлеб из муки и йогурта, — пока разминала тесто и резала помидоры, впервые за неделю могла заниматься привычным делом, не прокручивая заново каждую строчку из чата.

Мы ели на террасе. Море внизу мерцало в темноте; за звоном приборов слышался шорох накатывавших на берег волн. Витольд ел внимательно, с сосредоточенностью, за которую хочется положить добавки, а закончив, отодвинул тарелку и подался к столу:

— Теперь о деле. Я должен вам кое-что показать.

Он достал планшет и положил его передо мной. На экране была моя переписка. Моя личная переписка с мужем — за месяцы, за годы. И мои сообщения маме, отправленные в четыре утра той страшной ночи. И даже черновик для свекрови, который так никому и не отправила, а потом стёрла.

Смотреть на экран приходилось через силу: рыба с лимоном в желудке вдруг сделалась тяжёлым камнем.

— Это незаконно. — Голос едва прозвучал над столом. — Это моя личная переписка. У вас нет права.

— У меня есть право по делу, которое я веду. — Он оставил планшет передо мной. — И я не буду перед вами извиняться за это право: могу показать вам меньше, чтобы поберечь ваши чувства, но от этого остальные письма у меня не исчезнут. Я показываю вам этот планшет не для того, чтобы вы почувствовали себя голой. Я показываю его, чтобы вы поняли, с кем вы имеете дело. Со мной не надо играть, доктор. Со мной не надо быть вежливой. Со мной надо быть точной. Это единственная валюта, которую я принимаю, и единственная, которой плачу сам.

— Вы платите точностью. — Отодвинула тарелку и положила ладони на стол. — Чем ещё вы платите, Витольд?

Он посмотрел на меня поверх планшета, и у него снова напряглась челюсть, как вчера у конюшен; на этот раз пауза затянулась, а выстроенный за ужином разговор вдруг стал похож на допрос, в котором вопрос задали ему.

— Всем, что у меня есть. — Он всё ещё смотрел мне в лицо. — Вы узнаете. Не сразу. В моём деле, доктор, спешка — единственная непростительная ошибка.

Он забрал планшет, поднялся, чтобы уйти, и уже у перил террасы обернулся:

— Завтра в девять я приеду за вами. Мы поедем в одно место. Оденьтесь просто и возьмите с собой то, что у вас осталось от чувства юмора. Оно вам понадобится.

— Зачем оно мне понадобится?

— Потому что завтра вы увидите, чем ваш муж был занят все эти три года. — Витольд задержался на ступеньке. — И мне нужно, чтобы вы посмотрели на это без слёз. Слёзы — это вода. А нам с вами нужна земля. Земля, доктор, — это то, на чём потом строят.

Он уехал. Намыливая тарелки и слушая море за открытой дверью, в какой-то момент поймала себя на том, что пою. Тихо, себе под нос, что-то старое, из студенческих лет, — так поют люди, у которых впервые за долгое время не болит ничего прямо сейчас.

От собственного пения стало страшно, и следующая строчка так и осталась невысказанной. В конце концов, мне было некому петь. Ночевать предстояло на чужой вилле под покрытием человека, который читал мои письма. Мой муж лгал мне три года, и мой контракт висел на волоске, и в семейном чате молчали четыре дня.

Но ножи были острые. И хлеб удался. И завтра в девять за мной приедут — и это «завтра в девять» впервые за много лет было не пустым временем между двумя «вчера» и «сегодня», а расписанием операции.

Вытерев руки полотенцем, повесила его на крючок и оглядела убранную кухню. Всё. С этой секунды я не жена Родиона. Я — свидетель. А потом — посмотрим, кем я ещё смогу стать.

Место, куда мы приехали, было депозитарием холдинга — серое здание без вывески на въезде в порт, где хранили бумаги, о которых не пишут в годовых отчётах.

Витольд вёл меня по коридорам; охрана у дверей выпрямлялась при нашем приближении. Моё удостоверение оставалось в сумке. Все смотрели на него и ждали кивка.

В комнате без окон стояли длинный стол, проектор и — за это сразу зацепился взгляд — обычный стеклянный чайник с чаем и две чашки на блюдцах. Кто-то в этом учреждении знал, что людям, которые сейчас будут смотреть на ад, понадобится тёплый чай. Кто это придумал, оставалось гадать, но Витольд подвинул ко мне чашку прежде, чем сел сам; всё чаще такая предусмотрительность оказывалась его работой.

— Садитесь. — Он выдвинул для меня стул. — Смотрите. Не перебивайте. Потом зададите все вопросы, которые у вас есть, и я отвечу на все. Это моё обещание.

Он включил проектор.

Дальше пришлось молчать, хотя вопросы теснились у горла. Два часа сидела перед экраном и следила за цепочкой, которую он собирал из дат, подписей и сумм.

Ева и Родион познакомились три года назад — на открытии арт-проекта холдинга, где она была кураторшей, он — партнёром, спонсирующим проект. Об этом вечере помнила.

Дальше на экране пошли письма, которые от меня скрывали.

Глава 5. Цена молчания

Витольд увеличил её переписку с третьим лицом — с человеком, чьё имя прежде нигде мне не встречалось, — о том, как «взять порт». Показал мне схемы сделок, где имя Родиона стояло рядом с суммами, которые не могли пройти через его официальный доход. Показал мне, как трёхлетняя любовная связь росла вместе с деловой зависимостью — и как потом, когда Родион попытался выйти из неё, Ева начала шантажировать его его же собственными фотографиями.

Вот почему его лицо в прихожей было лицом должника, а не гуляки. Вспомнилась его застывшая улыбка; теперь от неё так же тошнило, как от цифр на экране.

— Она шантажировала его ради денег. — Отставила чашку. — Но тогда... тогда эти сообщения в чат. Зачем ей было посылать их мне? Если она выжимает из него деньги, ей выгоднее держать меня в неведении, разве нет? Пока жена ничего не знает — он платит за молчание.

— Точный вывод. — Витольд вернул предыдущее письмо. — И поэтому сообщения в чат — её продуманный ход, а не ошибка или срыв. Посмотрите на даты.

Он вывел на экран хронологию. За неделю до того утра, когда в 9:42 пришли сообщения, Родион провёл через адвоката предварительные документы о передаче ей части доли в портовом терминале. За два дня — остановил передачу. Его юристы нашли лазейку. Он решил, что может переиграть её.

А в 9:42 утра сообщения ушли в общий семейный чат.

— Она ударила не по нему, — проговорила медленно, сверяя обе даты, и собственный голос звучал чужим, низким, спокойным. — Она ударила по браку. Ей нужно было, чтобы жена узнала — и ушла из дома. Тогда он остаётся один, без поддержки семьи, без репутации, и она дожимает его уже не как любовница, а как единственный человек, который может «простить» и сохранить всё в тайне. Она сжигала мосты за ним. Чтобы ему некуда было деться, кроме как к ней.

— Я четыре дня жду, когда вы это сформулируете. — Витольд отложил пульт. — С того самого утра, когда получил эти сообщения в сохранённой копии чата. Мог бы выложить вам это в первый день, вместе с остальным. Но тогда это была бы моя мысль. А вам нужна своя. Свою мысль вы отстоите, доктор, даже если муж опять начнёт всё отрицать. За чужими словами придётся всякий раз обращаться ко мне.

Чай в чашке остыл; сидела, разглядывая сухие пальцы, и слёз всё ещё не было. Ведь ждала, что расплачусь, — все эти дни хотелось получить полную картину, как получают диагноз, чтобы наконец разрыдаться или выдохнуть.

Но мне не хотелось плакать. Стыдно стало за четыре дня слёз — за чужую связь, чужие фотографии, чужую кухню, на которой пробовали мою еду. Этот стыд следовало вернуть Родиону. Стыдиться должен был он, который лгал и заказывал у меня ужины. А я не сделала ничего из того, за что прятала лицо. Слишком долго держала чужой небоскрёт на своих плечах — вот и весь мой вклад, и вот моя единственная вина.

Вместо слёз хотелось спросить, какие бумаги потребуются, и собственной подписью подтвердить каждое слово.

Отодвинув стул, поднялась из-за стола. Подошла к окну — заставке с видом порта, которую Витольд вывел после документов; пусть фальшивое, оно давало точку, на которую можно смотреть.

— Витольд, — позвала, не оборачиваясь к столу. — Вы разрешили мне орать на вас, ненавидеть вас, плакать сколько угодно. Это всё ещё в силе?

— В силе.

— Тогда хочу попросить вас об одной вещи, послушайте. Не утешать меня. Не защищать меня. Вы этим уже занимаетесь, и у вас это получается, и мне от этого неуютно, как больной от заботливой процедуры. Хочу попросить вас о другом, это сейчас важнее. Научите меня драться.

Он молчал, оставшись за столом. Лица его за спиной было не разглядеть, зато отчётливо слышалось, как он положил пульт рядом с чашкой, выдвинул стул и поднялся; впервые он так долго подбирал ответ, а когда заговорил, пришлось вслушиваться.

— Доктор. Вы понимаете, о чём просите?

— Да. Вы сказали: мне нужна земля, на которой строят. У меня нет земли, Витольд. У меня отняли дом, имя, репутацию и чат, в котором я держала лицо десять лет. У меня осталась профессия, две сумки и чужая вилла. Земли нет. Но у меня есть злость, и теперь понятно, на кого злиться; помогите мне распорядиться ею, чтобы она не пропала зря. Не в песок. В фундамент.

Он подошёл и встал рядом со мной у фальшивого окна. Мы стояли плечом к плечу и смотрели на нарисованный порт.

— Есть три способа мстить. — Он отступил от экрана. — Первый — эмоциональный. Кричать, бить посуду, писать гневные сообщения. Дешёвый, быстрый, удовлетворяет на минуту, разрушает на годы. Он вам не подходит. Второй — зеркальный. Сделать ему то же, что он сделал вам. Изменить, обмануть, предать. Он тоже не подходит — по другой причине: чтобы сделать это, вам нужно опуститься в его способ существования, а вы там не дышите, доктор. Вы там задохнётесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.